

СВОБОДА ОТ КЛАССОВ

Самой либеральной школе на свете — «Парку открытых студий»

из «Школы самоопределения» — исполнилось 10 лет

Антон Зверев

Пока учёные спорят о степенях и границах дозволенной ученику свободы, педагоги-исследователи из парка-школы Александра Тубельского упразднили все преграды на пути к ней.

Новаторов предостерегали: разлетятся дети врассыпную, убоятся дарованной воли. Но в парк вошёл каждый седьмой из «Школы самоопределения». Никто не вошёл школьников по пустыне 40 лет. Но вот — свободные. Кроссворды сочиняют на уроках географии. Диссертации защищают по астрономии. Музей редких гербариев создали: старшенькие водят сюда младших, даже из детсада.

Достоин ли десятилетний ребёнок свободы? Всеобъемлющей, не показушной, как строка в отчёте о воспитательной работе: «играем в день открытых дверей»? Способен ли человек, едва миновавший начальную школу, её, свободу, оценить и правильно ею распорядиться? Этот вопрос я задавал многим взрослым, ратующим за права и свободы ребёнка.

Борис Немцов похоронил подобный проект в зародыше: «Вот булочная, там с десятком сортов хлеба. И что, вы маленькому ребёнку доверите самому в них разобраться?» Руководитель одного из радиоканалов с внушительным педагогическим стажем пожал плечами: «Легко отменить оценки, звонки. Хотелось бы понять — зачем».

В этом они все, наши либералы. Рассуждают. Нет бы приехать в московскую «Школу самоопределения» А.Н. Тубельского и всё увидеть. Десять минут на троллейбусе от метро «Первомайская» — и вы в царстве абсолютной, изумительной свободы. Видели педагогический рай?

Не хотят. Десять лет я тщетно приглашаю самых влиятельных и умных деятелей политики и школьного образования в гости к Тубельскому. Мне говорят: «Спасибо, но так не бывает». И на все лады доказывают педагогические истины, которые изо дня в день блистательно — на деле! — опровергает взрослая команда «Школы самоопределения».

Детки без клетки

Из концепции проекта: «Свободная парк-школа — это сеть классов-студий, открытых на вход и выход. Именно открытый доступ в студию и выход из неё переводит все процедуры школьного образования из средств воздействия в ассортимент услуг, предлагаемых клиенту».

По этой вроде бы нехитрой, но вызывающе свободной технологии выпустили уже три поколения учеников.

У нас с вами, читатель, была школа-поезд: посадили и везут по единым рельсам, изредка выпуская поболтать с друзьями на перроне. А у них — открытый космос. Рельсы кончились! Вообразите: начиная с пятого класса, день за днём, подростки, говоря образно, вольно плавают по расписанию, приставая к тем наставникам и классам (то есть к свободным парк-студиям, а их около тридцати — на выбор), куда зовёт душа. Десятый год учителя парка-школы учатся работать с переменным, разновозрастным, — словом, с непредсказуемым составом слушателей.

«Почему на свете нет завода, где бы делалась свобода?» — вздыхал Бродский всего тридцать лет назад. И вот, извольте, есть теперь такой завод. Очень маленький. Но свой зато, в России собранный. Опять вопрос: ну хоть кому-нибудь в этой стране, считающей себя вполне демократической, он нужен?

В своё время Галина Старовойтова не без труда пристроила в школу к Александру Тубельскому внука. Сильно, говорят, волновалась: впишется — не впишется? Мальчишка молчал два дня, на третий озадаченно спросил бабушку: «Я только одного не понял: кого в этой школе надо бояться?»

Другая мама, тоже доверившая сына школе-парку, не без удовольствия призналась: у него коленки перестали подгибаться и дрожать при входе в школу.

Результат номер один: исчез у человека страх перед учителем (классом, оценкой) — испарился, будто не было. Разве не педагогический эффект? Так что парк живёт теперь без вековечных стрессов, нервных тиков, фобий и прочих ночных энурезов. Кто сказал, что свобода — непродуктивна?..

Для современного ребёнка школа — чаще всего плаха, место унижений. Многие ходят сюда, как в комнату ужасов. А тут все улыбаются, директор за руку здороваются с каждым сопляком. Или за макушку мимоходом ласково эдак потреплет (психологи уверяют, что это самый сильный из известных методов энергетической поддержки).

«Боялись ли мы начинать? Ещё бы, — вспоминает преподаватель математики и экономики, один из координаторов «Парка открытых студий» Татьяна Шагова. — По большому счёту страхов была два. Первый: все дети ринутся на живопись и физкультуру. Эта гипотеза не оправдалась. Получив свободу, они, вопреки ожиданиям, не потеряли голову, а, напротив, начали использовать её по прямому назначе-

нию». Ну, например. Если в спортзале негде яблоку упасть, спокойно идут дальше, ищут место поуютнее, потише. Свобода, понимаете ли.

Кому-то после трудного вечера в домашнем кругу нужен элементарный комфорт: добрый учитель, солнечный, нарядный класс, аквариум, музыка, стакан горячего чая. Кого-то, несправедливого лирика и романтика, друг чуть ли не силой затащил на «Экономику частного кредитования». И тот остался, а потом снова пришёл: захотелось! Ещё один заключил пари с друзьями, что сдаст годовой курс русской литературы за месяц. Пятого пригласили в мастерскую набросать проект книжной стенки для малышей...

— У каждого своя, неповторимая тропа к общественно доступным знаниям, свои порывы благородства, любопытства, честолюбия, своё понятие о пользе, идеале, интеллектуальном кураже. А мы их педантично изучаем, эти самые образовательные стимулы, — продолжает Татьяна Сергеевна Шагова. — Потому как мало педагогу открыть дверь учебной комнаты. Надо ещё изловчиться так, чтобы они мимо кабинета не прошли. Развернуть грамотную рекламу своей студии, научиться вовлекать детей в общую работу — по интересу, а не «по списку»...

— Далеко не всегда решающим фактором при выборе студии служит личный интерес, — уточняет один из идеологов парка-школы Ольга Леонтьева. — Часто ребята ходят на занятия стайками, им важнее, с кем заниматься, а не чем. Они поддерживают друг друга гораздо лучше, чем это могли бы сделать взрослые. Поэтому и занимаются усерднее. А расширив своё образовательное поле, ищут себе новых друзей.

В студиях педагоги создают рабочие места для свободно кочующих тинейджеров: здесь микроскоп, тут редкая энциклопедия, всамделишный гончарный круг, хореографический станок, поломанный магнитофон (ровесник XVIII съезда

Догмы старые и догмы новые

Лев Айзерман,
педагог

...Зиму 1941–1942 годов я провёл в детском доме города Вольска, где разместили эвакуированных без родителей детей из Москвы. В нашей большой палате были собраны ребята разного возраста — от меня, самого младшего, до старшекласников. Вечером в палату набивалось много народу, приходили воспитатели и вожатые. Пели, разговаривали, спорили. Запомнился один эпизод. Десятиклассник вышел на середину комнаты, протянул руки вперёд и что-то долго и горячо говорил, потрясая протянутыми руками. Что он читал, я абсолютно не понял. Но почему-то запомнилась последняя фраза: «Карету мне, карету!» А вскоре я увидел заплаканные глаза наших вожатых, воспитателей, старших девочек: и этот десятиклассник, и несколько его товарищей уходили на войну... Так впервые в мою жизнь вошло «Горе от ума» — одно из самых близких и дорогих для меня произведений русской литературы (я писал о нём не раз и даже выпустил книжку об изучении «Горя от ума» в школе. На обложке этой книги было крупно написано «ГОРЕ ОТ УМА», и моя дочь долго считала, что «Горе от ума» написал её папа).

С тех пор прошла вся жизнь. Сколько было за это время спектаклей по Грибоедовской пьесе, какими непривычными были Чацкий — Юрский, Молчалин — Лавров, Софья — Доронина на сцене Большого драматического театра в постановке Георгия Товстоногова!

Но вот одно за другим читаю я сочинения о Чацком и Молчалине на заседаниях медальной комиссии — читаю эти сочинения через полвека после того, как сам окончил школу. Какие это были десятилетия! «Чему, чему свидетелями мы были!» А у меня такое ощущение, что ничего с тех пор не изменилось. Судите сами: «Именем Грибоедова открывается одна из блестящих страниц в истории русской литературы. Грибоедову удалось создать свой неповторимый мир, и этот мир запоминается на всю жизнь яростным противостоянием «века нынешнего» и «века минувшего». Защитником «века нынешнего» выступает в комедии Чацкий, страстный борец против самодержавия, представитель самого передового круга дворянской молодёжи. Молчалин же олицетворяет

комсомола), мудрёная электрическая схема, жалкие останки бабушкиной швейной машинки. Выбирай, к чему лежит душа. Времени впереди — море. Ну, пять лет как минимум. Так что ищи себя, будущий народ, ошибайся и исправляйся. Заметьте: координатор проекта, наставник, товарищ по классу, учебник, видео-, медиа-, библиотека всегда под рукой. К вашим услугам Интернет-кафе, радиорубка, медицинский кабинет, читальный зал, канцелярский офис генерального директора...

Кто-то зашёл в «Студию художественной вышивки» за коробкой карандашей, а кто-то чтобы навестить приятеля. После чего на общем сборе (стулья расставлены «глаза в глаза» — орлятским кругом) необходимо поделиться нажитым авторским опытом, освоенной темой, устроить презентацию своей работы.

Слушающий (ученик) берёт у говорящего (учителя). Так школа приучила думать. А на самом деле? Берёт тот, кто отдаёт. Дарит себя дорогим и близким современникам. По закону Шота Руставели: «Что сберёг, то навеки пропало. /Что отдал, то навеки твоё...»

Важный момент: именно здесь, на коллективном подведении итогов, частное, живое видение мира обретает панорамное, полифоничное, общественно полезное звучание и ценность.

В исторической студии у Евгении Соколовой старшеклассники с увлечением составляют кроссворды по эпохе Возрождения, пишут «Исповеди древнего римлянина», готовят уроки для младших классов. А у биолога Ольги Леонтьевой выют... гнёзда (идея А. Тубельского) не хуже ласточек, пишут научные трактаты вроде «О влиянии табакокурения на рост волос». И непременно представляют результаты своих частных изысканий друзьям. То есть регулярно вкладываются, отчисляют персональную «валюту знаний» в общую кассу парка-студии.

Не исключено, что где-то в этой точке технология парка-школы обретает мощный воспитательный подтекст. На сцене появляются давно забытые герои: помощь, взаимовыручка, взаимообучение, сотрудничество.

Школу теперь можно «полистать». Как свежую газету

«У меня был мальчишка, который весь год в шестом классе соорудил керамическое панно — обезьяну, — говорит директор «Школы самоопределения» Александр Тубельский. — Он не ходил ни на какие другие студии, а всё лепил, сушил, раскрашивал. И всем показывал свою любимицу. И мы терпели. Потому что у него было дело, а в нашей школе мы гарантируем полную свободу совести и действий. Как мы потом поняли, эта обезьяна его спасла: мальчишка стал более

серьёзно заниматься школьными науками. Не сразу. Но увлечённо. Ведь он вложил в школу свой труд». Его изделие, кстати, до сих пор висит над школьной столовой и корчит гримасы входящим.

Кое-какие опасения, конечно, были и у самих изобретателей парка-школы. И даже не страх пустого класса, когда к педагогу вообще никто не пришёл (хотя и это чувство в сердце педагога остаётся, никуда не денешься, — зато не позволяет расслабляться, почивать на лаврах). Думали, что дети начнут учиться импульсивно, вроде как наощупь, без всякой системы. По наитию, порывами. Или, допустим, выбирать предметы и ремёсла из подросткового чувства протеста, свойственного этому возрасту духа противоречия. Не только проницательнейший Б.Е. Немцов да въедливая преподаватель экономики рынка проф. И.М. Хакамада, но и другие далеко не глупые люди, даже знатоки детских сердец от Чернышевского до Ушинского предостерегали именно от этого «бессмысленного и беспредметного блуждания ученика» вслепую, наобум по Храму Великой Культуры.

Но... У Тубельского всё оказалось проще и разумнее. Всем детям, поступившим в парк открытых студий, **отводят две недели на знакомство с новыми классами, с новыми педагогами, кружками, предметами, друг с другом.**

Результат номер два: именно в эти две недели первых «неопытных» экскурсий по парку-школе у ребят появляются, и часто — на всю жизнь, друзья из параллельных классов, будущие «попечители» и «подопечные», учебные «братья» и «сёстры» в многомерной, разновозрастной и пёстрой школьной вертикали.

Вот какое важное изобретение!

Школу, как свежую газету, можно, оказывается, вначале повертеть в руках, перелистать с конца в начало и наоборот, неторопливо разглядеть картинки, фотографии признанных мэтров, изучить её рекламу, расписание работы. И потом только составить первое, осторожное мнение; некий, весьма пока ещё туманный план «прочтения» этой газеты.

Повертели? Теперь ребёнка анкетируют: просят отметить студии, которые особо приглянулись, высказать пожелания, задать вопросы Мастерам. И опять: не за одну секунду. Эту анкету-список из 30 студий, секций, клубов, мастерских дети несут домой и там обсуждают обстоятельно, семейно, пункт за пунктом, размечая занятость ребёнка на неделю, а то и месяц вперёд.

Мы же, признаемся без ложной скромности, настолько порою нетерпеливы в тонком деле диагностики, что анкетировав ребёнка чуть ли не с порога, на ходу. Он, бедняга, только ещё табличку над входом успел рассмотреть, сменные туфли переобуть. Куда, право, спешим? Не отдышался человек. Неужели трёхсот лет непрерывных письменно-бумажных срезов, тестов, взвешиваний и обмеров не хватило, чтобы это понять?

уходящий «век покорности и страха». В столкновении мировоззрений этих двух героев и состоит истинный смысл комедии».

...«Грибоедов внёс неоценимый вклад в развитие нашего общества. Грибоедов является звеном большой цепи писателей XIX века, одной из черт которого было присущее ему умение дать наиболее яркие эпизоды, характерные не только для одного промежутка времени, но и для всей нашей жизни... Основная проблема, затронутая в пьесе, — противоречие между «веком нынешним» и «веком минувшим», то есть между «прогрессивными элементами, движущими общество вперёд, и регрессивными, тормозящими его развитие».

Конечно, были и сочинения добротного школьные (не забудем, что я говорю о сочинениях кандидатов на золотую и серебряную медали), но и они не очень радовали, ибо при всей своей гладкости и вроде бы правильности не были отмечены личным пониманием и чувством, ничем и ни в чём не выходили за границы общепринятого стандарта: ведь так легче, проще, удобнее, спокойнее — и ученику, и учителю, и особенно вузовскому репетитору. Тем более что при поступлении в вуз, о чём мне постоянно рассказывают мои ученики, абитуриентов предупреждают: «Никаких «я думаю», «мне кажется», «по моему мнению». Пишите, как нужно». В традиционном для школы и вуза сочинении о Чацком и Молчалине выпускник и абитуриент, конечно, должен написать, что на слова Молчалина «В мои лета не должно сметь своё суждение иметь» Чацкий с презрением отвечает: «Зачем же мнения чужие только святы?» Но сам он при этом не имеет никакого права на «завиральные идеи». Разумеется, при этом литература опошляется и вместе с тем отторгается от юного читателя. «Ну, не могу, не могу я выучивать отличия между Чацким и фамусовским обществом и чтобы при этом их было ровно девять», — жаловалась после очередного занятия на курсах для поступающих моя ученица.

Да, канон есть канон. И вот уже сегодня в одном из пособий для поступающего в институт даётся типовая план сочинения на тему «Образ Чацкого»: 1. Время создания комедии, его особенности. 2. Отражение в образе Чацкого основных черт декабриста. 3. «Острый критический ум, алчущий познаний». 4. Осуждение жестокости крепостников, попытка иного ведения хозяйства. 5. Стремление служить Отечеству, быть ему полезным, неприятие карьеризма... По этому лекалу и выкроены многочисленные типографские шаргалки и рекомендации Интернета. А что ещё надо?

ДОГМЫ СТАРЫЕ И ДОГМЫ НОВЫЕ

За многие десятилетия в советской школе, как и в советском литературоведении, пьеса Грибоедова была канонизирована и догматизирована, что, естественно, не могло не породить стремления к переосмыслению. С особой силой переосмысление «Горя от ума» началось во время перестройки и после неё. Ещё вчера всех хороших писателей «трудоустраивали» в три этапа русского освободительного движения; ещё вчера Лев Толстой был для нас зеркалом русской революции. Теперь же всё бунтующее, революционное начисто отрицалось, отвергалось, крушилось, предавалось анафеме. И если вчера чеховскую чайку гримировали под горьковского буревестника, то теперь буревестников начали отстреливать, а в лучшем случае гримировать под чеховскую чайку.

Добрались и до Чацкого. В журнале «Литература в школе» А. Баженов пишет, что Чацкий — «вне традиции, вне русской культуры. Чацкий, декларирующий свою любовь к народу, в жизни только турист, наблюдающий Россию из окна кареты, и в русской деревне он будет лишь дачником».

Новый 2005 год «Литературная газета» открывает статьёй Игоря Золотусского «Прости, отечество!», в которой мы читаем, что «Чацкий не знает, что такое долг». То ли дело Скалозуб: «воевал с Наполеоном (причём в пехоте), имеет боевой орден». Что же касается его реплики, навсегда заклеившей Скалозуба как апостола муштры: «Я князь Григорий и вам фельдфебеля в вольтеры дам», то стоит вспомнить, кому он это говорит. Он говорит это Репетилову и адресует свой афоризм его друзьям, безбожникам и крикунам. Для него фельдфебель надёжнее Вольтера, поскольку Вольтер расшатывает, а фельдфебель бережёт».

И уже забыта блистательная статья И. Гончарова «Милльон терзаний» с её поэтизацией Чацкого. То, что Чацкий и комедия переосмысливаются, нормально и естественно. Беда в том, что на смену одному канону приходит новый канон. Меняются знаки, но сам характер мышления остаётся тем же: односторонне-догматическим, мешающим видеть литературу и жизнь объёмно, сложно, в живых противоречиях. Нам кажется, что мы стали другими, но мы всё те же.

Я вовсе не выступаю за всеобщую амнистию и всеобщую реабилитацию: то, что нельзя забыть, забыто не должно быть. И по отношению к самому себе для меня свято пушкинское: «Но строк печальных не смываю». Как сказал поэт другой эпохи: «Тут ни убавить, ни прибавить. Так это было на земле». Но для школы, для разговора

РЕФОРМА НА «КЛЕТОЧНОМ УРОВНЕ»

«Почему все школьные реформы терпят крах?» — ставит вопрос статья известного учёного в толстом заокеанском еженедельнике. И вправду, крупные национальные проекты редко сочетаются с успехами на (как пишет автор) «клеточном, даже атомарном уровне». На уровне класса, урока, ребёнка.

Набили оскомину песни о самобытности ученика, призывы уважать его достоинство, дать, наконец, ему возможность поделиться личным интеллектуальным достоянием. Но есть ли у него, недоросля десяти-четырнадцати лет, это «своё»?

Вспомним: учителя-новаторы, провозгласившие на заре перестройки принцип сотрудничества с детьми, споткнулись, по сути, о тот же бордюр: готовые знания можно закладывать в детские головы и без сотрудничества. Вот почему так важно понять: что такое этот самый личный капитал ученика — его свободное, живое знание? И невзначай увидеть: детский рисунок, вывешенный в холле всем на радость; костюм, сшитый за ночь к общему празднику; салат, приготовленный старшеклассницей в школьном кафе; сказка-урок, поставленный студийцами в «дочернем» детском саду; отремонтированная парта, декорация для школьного спектакля — всё, что можно подарить, отдать другому, пустить в общее дело, — это и есть знание в самом капитальном, персональном, социально ценном виде. А остальное можно только «взять». В том же учебнике. Однако в 90 случаях из 100 такие псевдознания в жизни, говорят, не пригождаются.

Рассказывает Алиева Наташа:

— Парк открытых студий — это отдельное государство, в нём есть весёлые и грустные, добрые и злые, умные и глупые, но каждый из этих людей имеет право высказать свою точку зрения, и это бесподобно! Ещё у парка расписания другое. Нам раздают в начале года листок с перечнем классов и студий. Мы выбираем уроки, на которые хотели бы ходить. Но любую «клетку» можно всегда поменять, если тебе что-то не понравилось. Мне кажется, что школа-парк — это пространство, которое объединяет.

Уйти или остаться?

Но мучил, что скрывать, новаторов и третий, самый парадоксальный вариант возможного развития событий. А вдруг пяти-семиклассники вовсе не захотят свободы? Останутся сидеть на хорошо обжитых, крепких, безопасных стульях государственного расписания. Или, допустим, учинят наставникам бойкот?

Автор этого проекта, известный философ и педагог Милослав Балабан (1927–2005), горячо убеждал коллег в том, что, свободно перемещаясь по открытым студиям, школьники быстро освоятся и станут активными участниками в этой

ДОГМЫ СТАРЫЕ И ДОГМЫ НОВЫЕ

маленькой модели рынка. Но скептики сомневались: а если вообще никуда не пойдут? Оккупируют свои любимые углы, уборные, чуланчики и холлы, станут травить анекдоты целыми днями и семечки лузгать. И что дальше?

Накануне первых новогодних каникул у ребят спросили: «Чему вы научились за истекшие полгода?» Думали, те станут перечислять приобретённые умения и навыки. ЗУНы, как мы говорим. А дети, не сговариваясь, твердили (в анкетах): «Мы научились **уходить** (из класса, «места обязательного заключения». — А.З.)». То есть искать свою студию, дело по интересу (таких ответов была примерно половина). Стало быть, такую студию, где можно вырезать ложку из дерева, смастерить стильный подсвечник, разделочную доску для домашнего хозяйства, починить гитару, сколотить для гостиниой журнальную полку, научиться разбивать палатку, вязать морские узлы, составлять меню для многодневного похода, проектировать большие праздники и развлекательные шоу.

И вновь слово берёт Ольга Леонтьева, биолог, кандидат педагогических наук: «Маленькие предпочитают молча из студий уходить, а вот старшие заранее предупреждают: «Я тут к вам ненадолго». Или: «Завтра, Ольга Милославовна, наверно, не увидимся. Но это не точно, утро покажет...» Это проблема для учителя, укол в какой-то мере по самолюбию профессионала. Поэтому хозяин студии настойчиво торгуется, борется за каждого клиента — своего сотрудника: «А ты, Никита, найди время, уж постарайся, дорогой, я буду тебя ждать, это полезно нам обоим».

Одни освоили науку вольных странствий по студийным лабиринтам, другие научились честно, **молча** (важное слово!) **оставаться**. Делать опять же свой выбор, несмотря на то что студию покидают друзья. Разве не так и выражается обычно взвешенная, выстраданная, зрелая воля гражданина? Вот и у Пушкина: «Никому отчёта не давать, себе лишь самому/Служить и угождать... Вот счастье! Вот права...»

Но обладаем ли мы сами, люди вполне взрослые, такой же или хотя бы близкой степенью счастливой (по Александру Сергеевичу) раскрепощённости?

Недавно на Сиреневом бульваре собирались руководители образования — организаторы «школ полного дня» почти из всех городских округов. Хозяева парка-школы пригласили уважаемых гостей, в частности, на студию черчения. Тема занятия преподавателя черчения и физики Владимира Курашова была посвящена работе над эскизом будущего книжного шкафа. О, это было нечто. Пятиклассники сели за парты в круговую, то есть не в затылок, а глаза в глаза друг другу. И, поигрывая между делом клавишами калькуляторов, чертили, рисовали, строили макеты, уточняли площадь кабинета, отведённую под место для их творчества; изредка вежливо и тихонько, чтобы не мешать соседним группам, дополняя и поправляя коллег по проекту.

с юными важно не только то, *что* говорится, но и *как*, с какой интонацией.

Научимся ли мы говорить со своими учениками честно, правдиво и вместе с тем достойно и по-человечески? Будем ли при этом всегда помнить, что нам, сегодняшним, легко (может быть, правда, пока?) судить, рядить, выговаривать, приговаривать, что мы за сказанное нами ничего не платим и ничем не рискуем? Ахматова, Некрасов, Искандер, Розанов, Корнилов платили за всё дорогой ценой. Поэтому даже не соглашаясь с ними, их мнение уважаешь. Вырвемся ли мы из плена догматического мышления, схем, канонов, дешёвой конъюнктуры?

...Есть такая одесская байка. В порт входит теплоход «Сергей Есенин». И мальчик спрашивает маму:

- Мама, а кто такой Сергей Есенин?
- Отстань!
- Мама, ну скажи, кто же такой Сергей Есенин.
- Я же тебе сказала, чтобы ты отстал!

Тогда стоящий рядом старый одессит обращается к матери: «Мадам, но почему вы не хотите сказать ребёнку, что «Сергей Есенин» — это перекрашенный «Лазарь Каганович»?

Сколько раз мы перекрашивали нашу историю и нашу литературу. Пора, давно пора вместо того, чтобы перекрашивать, — раскрашивать, что в одном словаре толкуется, как «расписать разными красками», в другом — как «расписать краской (красками), покрасить в разные цвета», в третьем — как «расписать красками (чаще разноцветными)»...

Скромные же гости скученно сбились в самый дальний угол студии и оттуда, издали пытались присмотреться к действию. Им, конечно, было абсолютно ничего не видно, непонятно и не слышно. Но смело встать и подойти поближе, чтобы лицом к лицу разобраться в тонком студийном процессе, а тем более включиться в проект, им было... ещё неудобнее. Проклятая советская инерция. «Этика наоборот», карикатура на вежливость! Неистребимый школьный страх покинуть «своё», «забронированное» государством место оказался сильнее профессионального любопытства.

А дети тем временем занимались крайне важным делом, соединившим в себе сто наук — от столярного ремесла, основ офисного дизайна и искусства вести диалог с партнёром на равных до азов математики, картографии, черчения, жилищного строительства. Они весело расхаживали по классу, гудели, спорили. Впрочем, «старшие учителя» (иногда их тут зовут подмастерьями) — координаторы Илья и Артём из 11-го и 9-го классов — не давали им особо разойтись.

Результат номер три: дефицит штатных, дипломированных учителей в парке-школе легко восполняют здешние волонтеры, ученики из старших классов, кураторы (тьюторы) многих творческих событий «парка». В них, кстати, в своих старших товарищах, маленькие ученики души не чают.

Пока «чужие» педагоги добросовестно скучают на камчатке, спрашивая у студийца Данилы Плотникова одиннадцати лет: «Как дела? Чем занимаешься?» «А у меня тут много друзей, вот, пришёл повидаться. Вместе работаем, — говорит. — Предложил им план модернизации класса черчения». А ребяты рядом хохочет: «Будет еврокабинет!»

Педагогическую подноготную происходящего вызвался прокомментировать двенадцатилетний Макс Токлаков: «Сейчас мы разбили на команды, и каждая предлагает свой вариант реставрации старого помещения, со своей зоной отдыха, аудиосистемой, мебелью, местом для подготовки домашних заданий...»

Выходит, что Макс научился здесь не только чертить, нет, он постиг попутно нечто не менее ценное. А именно: умение понять, что происходит вокруг, и скоординировать по мере необходимости действия разнонаправленных сил и сотрудников.

«Раньше я учился в школе Монтессори, — признаётся один из студийцев. — Но тут нравится больше. Почему? (Пауза.) Я тут больше общения получаю!»

Смотрите, ещё интересней. Миллионы детей ходят в школу за готовыми науками и знаниями, а эти деловые парни ещё и — за общением.

С элементарного желания поднять себя над партой, вознестись над опустошающей скукой запертого кабинета; сорваться с места и отправиться на поиски неведомого, нового (кружка ли, урока, собеседника — **общения!**), возможно, и начинается то, что так отчаянно и безуспешно ищем. Всей

страной. Но ищем почему-то, не сходя с насиженного места. Неподвижно, в полудрёме. «Хорошо сидим», — сказал один великий литератор. А другой прибавил: «Главное — сидим на правильном пути!»

ШЕСТЬ ЛЕТ НА СОЧИНЕНИЕ «ШКОЛЫ БЕЗ КЛАССОВ»

Вот что было сказано Александром Тубельским на юбилейном педсовете: «Лишь на пятом-шестом году жизни мы смогли определить идейно-правовую формулу, основу нашего сообщества. Хотя можно было пригласить учёных, и они бы всё придумали. Можно склеить ту же концепцию из умных научных журналов. Но гораздо интереснее, по моему, строить её самим, по мере того, как меняются дети, родители, учителя. Тогда и результат другой — живой, объединяющий.

Ребёнок приходит в мир не чистым листом бумаги, а чтобы исполнить себя, своё предназначение — вот главная мысль. И постепенно расширяет, разворачивает свои силы. Школа должна стать системой помощи ему в этом развитии. Совокупностью условий, позволяющих и ошибаться, и идти вперёд. Это, конечно, сложно претворить в учреждении, построенном по принципу «Я тебе дал, а ты верни, что получил, в исходном виде». Но для того и создаётся свод совместно выработанных норм и правил, своя конституция: помогать ученику искать собственные ответы на свои вопросы, не чиня препятствий. Это и есть уклад, «way of life», противоположный авторитарному. Оказывается, сильнее всего ребёнка (да и вообще человека) волнует невидимое глазом наполнение привычных форм — «hidden curriculum», так называемое скрытое содержание школы. Иначе говоря, демократический уклад, организация образования, которая считается вроде бы делом второстепенным, а на самом деле и есть ключ к сердцу ребёнка. Он, по данным

ЮНЕСКО, и определяет эффективность школьного дела.

Основные черты нашего уклада — возможность выбора; создание свободных пространств для «необязательных» проб и ошибок, художественного творчества, свободного общения, игр и социальной практики. Всё это по желанию, конечно, а не по программе.

Как защитить достоинство незащищённого?

Почему подростки не хотят учиться? Не пять, не двадцать, а все 90%. Тут главная загадка. Чему учить детей, решает общество, правительство — это нормально, здесь загадок нет. Но — как это делать с полной продуктивностью и выкладкой? Можно ли стать самостоятельным, ответственным, лишь на себя похожим человеком, самоценным индивидуалом, если в школе за тебя уже всё решено? Больше того — стать в этих условиях автором своего образования?

Мечта. Над ней и бьёмся.

У нас до седьмого класса отметок нет. Так договорились. В один день — хоп! — и лишили учителя возможности пользоваться этой страшилкой.

Сократили уроки с 45 до 35 минут. Это изменение привело к тому, что учитель не смог прибегать к стандартным разработкам и требовать от детей стандартных правильных ответов — пресловутой «нормы усвояемости».

Кроме того, мы поняли, что есть дети, очень много детей, которые осваивают мир через **дело** — деятельность, творчество, искусство. Поэтому и покусились на святое — на Её Величество Программу. Прежде чем попытаться сделать ученика автором его образования, предложили учителю стать автором своего, ну, хотя бы урока. Было очень трудно. Эта работа не закончена и до сих пор.

Особая статья — родители. Семья ждёт, как вы понимаете, максимального успеха в наикратчайшие сроки. И связывает этот успех лишь с освоением акаде-

мических наук. Как правило. Но умение осваиваться в неоднородной, реактивно развивающейся ситуации, сохранять себя духовно цельным рядом с людьми иных миров, настроенными порой совсем не благодушно, — эти универсальные умения даёт только по-настоящему значительное образование. Приходилось убеждать в этом семейную общественность. Пример: дети готовили вечер «Профессии моих родителей» и приглашали в школу своих близких. Или отчитывались перед старшими на той же школьной сцене о водном походе по северным рекам или о поездке в Кострому. Называется «родительское собрание». Результат: родители помаленьку занимают нашу сторону.

Был деликатный момент. Опросили детей: часто ли вы испытываете в школе унижения, несправедливые нападки, дискомфорт? Пошли признания. Много записок. «Старшеклассники толкаются в очереди к буфету». «Друзья обзывают «грузином». «Сосед по парте пристаёт с глупыми шутками». И тому подобное. Значит, проблемы есть, а мы их поминутно пропускаем, как плохой вратарь в свои ворота. Вместе выбрали комиссию из учителей и взрослых, приняли первый закон — «О защите чести и достоинства ученика». Это было в 1989 году. Значит, за шесть лет до создания «парка».

Куда нам без Макаренко, или «Чудо по тону и движению...»

В «Парк открытых студий» (идея принадлежит доценту МГУ М. Балабану) мы намеренно позвали ребят разных возрастов — из пятого и седьмого классов. Смелчаков тогда, осенью 1995 года, набралось человек 70. Сегодня в «парке» их чуть больше ста — каждый седьмой примерно — ученик школы. Кто же откликнулся и предпочёл обычному учению свободу? Самые, как мы их называем, трудные ребята, а на самом деле — «недолюбленные», которым тепла в жизни не хватает. Ещё особо одарённые, поскольку парковая свобода планирования жизни не мешает их индивидуальным увлечениям. Кроме того, на свободу кинули наследники, так сказать, отчаявшихся родителей. Или же выходцы из тех семей, которым «всё равно». Но, подчеркну, все они делали этот свой выбор осознанно.

Возникшая в этом пространстве добрая, внимательная атмосфера (где ребят ничто не раздражает), собственно, и остаётся главной достопримечательностью и итогом обучения парк-школьников. Всё остальное можно ставить под вопрос. (Оцените, уважаемый читатель, степень чистоты эксперимента и самокритичности его руководителей. — А.З.) Одно скажу твёрдо, без тени сомнения: старшие «студийцы» довольно скоро заняли по отношению к младшим очень трогательную и очень продуктивную попечительскую позицию. Они скучают друг без друга, искренне болеют за своих шефов и/или подшефных. Вот где один в один, воочию воплотилась старая, легендарная цитата из Антона Семёновича Макаренко:

«Если я что-то и открыл в образовании, то это разновозрастной коллектив — чудо по характеру движения и тону...»

Учи другого — сам поймёшь!

А вот мнение Татьяны Шаговой, мастера студии «Математика», координатора «Парка открытых студий»: «Сама структура Парка открытых студий, его разновозрастных групп настраивает мысль ученика на постоянный самоанализ. Обсуждая с тьютором набор предлагаемых студий или самостоятельно составленное расписание, он уже учится обосновывать свои решения, прогнозировать результаты. То же и на занятиях: выбирая тему, задание, объём, способ работы, срок сдачи (в форме зачёта или проекта) и её жанр, ученик становится активно действующим соавтором студийного процесса. И если отправное пожелание, букет идей, сценарий будущих визитов к мастерам исходят от него, а не от взрослого, то значимость такого «парка» повышается в разы. Ребёнок охотнее корпит над своим замыслом, готов обсуждать, углублять накопленный опыт, делится им с другими.

Совместная работа детей разного возраста, культурных взглядов, кругозора позволяет им соотносить себя с другими, обогащая информационный и духовный арсенал друг друга.

Итоги коллективной деятельности в студиях подводятся на общих сборах (раз в полмесяца): устно (по технологии «открытого микрофона») или в виде письменных ответов на вопросы педагогов. Нами освоено и другой довольно интересный опыт рефлексии. Например, так называемая «игра в слонов», когда ученики расплачиваются с мастерами за оказанные им услуги «слониками» — самодельными деньгами. (Дело в том, что симпатичный слоник олицетворяет собой символ нашей Школы самоопределения.) Сумму оплаты и «прирост личных знаний» определяют сами покупатели услуг — ученики. Это позволяет им лишний раз задуматься над эффективностью и результатами своей работы в парке.

Второй этап игры дал некоторым из них шанс побыть мастером, то есть примерить на себя роль профессионального учителя. Многим она оказалась не по росту. Что ж, зато они сами вскрыли свои недостатки в искусстве общения, умении слушать, объяснять, точно ставить вопросы. А те, кому педагогическое ремесло пришлось «к лицу», впоследствии несколько лет «работали преподавателями» в самых разных студиях.

Смена форм образования от «непринуждённых странствий по парку» до «трёхдневных погружений в математику и словесность» даёт детям новую пищу для размышлений плюс возможность выбрать для себя наиболее приемлемую модель образования. Кроссворды, например, помогли ребятам понять: оказывает ли, и на уроке географии можно вырасти поэтом. Вслушайтесь: «талия Земли»! А по науке всего лишь — экватор.

Предложив детям написать историю злоключений древнего римлянина от его собственного имени, историк Евгения Соколо-

ва пустилась на хитрость: только пишете, мол, с ошибками, по-настоящему. Поскольку абсолютной пустоты в природе не бывает, то вытесненный страх перед орфографической ошибкой пробудил бешеную силу фантазии в умах ребят.

Но Тубельского это ничуть не смущает: «Пусть лучше ошибаются, создавая своё, чем повторяя чужое. Это сильно подвигает к самообразованию. И вообще грамота должна обслуживать авторский стиль, вот её место; свой стиль и надо нарабатывать, а не пустое, механическое повторение прописей».

Ответственность по осознанному выбору

Евгения Соколова, руководитель студии истории, рассказывает:

«Я просто растерялась, когда увидела их активность при подготовке к общему школьному празднику. Ведущий обращается к залу: «Кто возьмётся за сценарий?» Вся парк-школа поднимает руки. Ведущий: «Хорошо. А кто оформит декорации для заседания Олимпа?» Дети снова чуть ли не со стульев падают, желая, чтоб их заметили. Только и слышно: «Мы! Мы! Поручите нам!» Остальные сидят рядом, будто не отсюда детки, о чём-то своём думают. Их сюда пригнали, а эти — своими ногами. Работать. По осознанному выбору.

Часто нас спрашивают: не много ли ответственности взвалили мы на подростков? Может, она лишает их прелестей детства? Но как свобода может лишать детства? Возьмите деревенских пареньков. Люди хозяйственные, сами гусей пасут — прутик найдут, удочку вырежут, картошки накопают, в случае необходимости договорятся с соседями, чтоб посторожили их гусей. А рядом городской школяр. С уроков приполз, в мягкое кресло забрался, книжку под бок сунул и щёлкает туда-сюда пультом телевизора.

Подумаем, кто из них на самом деле лишён детства?» **НО**